

Г. М. ПРОХОРОВ

**Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита
в древнерусской литературе
(Проблемы и задачи изучения)**

1. В 1371 г. на Балканах инок Исая закончил свой перевод с греческого языка на славянский корпуса сочинений, приписываемых Дионисию Ареопагиту (ученику апостола Павла, первому афинскому епископу), с комментариями к ним Максима Исповедника, предпринятый им по «принуждению» митрополита сербского Феодосия. В своем замечательном предисловии¹ Исая пишет: «Бою же ся рещи, яко аз преложих свягата Дионисиа», говорит о «тяжести прелагания» с греческого «в наш язык», вспоминает о добрых временах, «егда божественныя убо церкви и Свягата Гора раеви подобне цветяху, яко же некий сад при источницех присно напаяем», — когда он начинал свой перевод, и рассказывает о наступлении «злейшего всех злых времен» — речь идет о завоевании Сербии турками, — когда он заканчивал «преложение».

Проблема первая: почему именно в третьей четверти XIV в. возникла потребность в такой неоглядной и сверхтрудной работе, как этот перевод? Почему — не раньше и не позже?

2. Еще в XIV в. или в самом начале XV в. перевод инока Исая сделан известен на Руси. Древнейший из сохранившихся русских его списков — это: ГБЛ, МДА фонд. (ф. 173), № 144, 429 бум. л. — выполнен рукой митрополита Киприана (стало быть, до 1406 г., года его смерти). Письмо здесь гораздо более небрежно, чем в Лествице 1387 г. (ГБЛ, МДА фонд., № 152), где Киприан явно подражает щеголеватой греческой каллиграфии, но более аккуратно, чем в им же написанной Псалтири с воследованием (ГБЛ, МДА фонд., № 142).

Предисловия Исая в Киприановом списке нет, но перевод здесь Исая.

Текст Дионисия Ареопагита, выделяемый колонкой «запятых» на полях и словом «Лежащее» (перевод греческого *κείμενον*), идет попеременно с комментариями Максима Исповедника, помечаемыми словом «Толкование»; отыскать соответствующие места текста и комментария помогает цифровая разметка.

В списке Киприана часто попадаются разного рода и характера маргиналии. Многие из них принадлежат к числу толкований Максима Исповедника: когда они не очень велики, Киприан помещает их на полях рядом с толкуемым местом. В комментариях встречаются и чертежи, иллюстрирующие мысль: по большей части это — нисходящие из одной точки линии (перевернутый веер), поясняющие деление рода на виды, например деление «сущих» на «неживотных» и «живых»; живых — на «бесловесных

¹ См.: Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою комиссиею. I. Великие Минеи Четии, октябрь 1—3. СПб., 1870, стлб. 263—266.

и по (т. е. ниже, — Г. П.) нас» (животных), словесных «в теле» (людей) и «бесплотных и паче (т. е. выше, — Г. П.) нас» (ангелов) (л. 26 рукописи). Многие из маргиналий можно принять за принадлежащие писцу-митрополиту; так, Леонид, автор описания рукописей Московской духовной академии, пишет о Киприановом списке сочинений Дионисия Ареопагита: «...на полях много примечаний митр. Киприана, в которых или объясняется смысл речи, или значение слов».² На верхнем поле л. 65 об., например, читаем: «скутавати — рекше покрывати»; на нижнем поле л. 155: «В сем тлъковании являет, яко вещь (вещью называется здесь материя в самом широком смысле, — Г. П.) не преднаста, потом же от нее бог сътвори виды, но въкупе — вещь и виды. Точию премудрыи словом едином вещь предзрят одн(у)»; на л. 422 об.: «Киклади глаголетъ Окружныя острове». Примеров таких можно было бы привести множество.

3. В ГПБ сохраняется другой, еще более ранний, чем Киприанов, список сочинений Дионисия Ареопагита — Гильф., № 46, 1°, 368 л. Это сербская рукопись XIV в., происходящая, как показывают записи 1579, 1711 гг. и XIX в. на листах, наклеенных с внутренней стороны на крышки переплета, из Монастыря архангелов Михаила и Гавриила в г. Колашине (Герцеговина). Список замечателен прежде всего датировкой водяного знака («змея») его бумаги — 1370—1371 гг.³: сам перевод, как мы помним, был завершен Исайей в 1371 г. По-видимому, это одна из ближайших по времени копий к переводчицкому оригиналу, к списку самого Исайи (ведь должен же был таковой существовать!).

Замечательна эта рукопись и в другом отношении — размещением текста Дионисия Ареопагита и текста комментариев: первый написан крупно, в столбец, захватывающий две трети рабочего пространства страницы, второй помещен на оставшейся трети у наружного края листа, написан тем же почерком, но гораздо мельче. Потому здесь, — в отличие даже от списка митрополита Киприана, не говоря уж о более поздних копиях, — невозможно спутать комментарий и комментируемое и очень легко найти, что к чему относится. Соответствующие места там и тут располагаются, как правило, рядом и аккуратно размечены буквенной цифирью. Иногда комментарий продолжается на нижнем поле страницы (см., например, л. 15 об., 165 об., 231 об.), иногда — особенно в конце глав или в конце произведений — распространяется на всю ширину рабочей части страницы, следуя за комментируемым текстом (см., например, л. 19 об.—20, 20 об.—21, 21 об.—22, 30 об.—31 об.). Но благодаря тому, что и в этих случаях (т. е. всегда) комментарий написан значительно более мелко, чем сам текст, не различить их невозможно.

Одной из основных, самых насущных задач, связанных с корпусом сочинений, надписываемых именем Дионисия Ареопагита, в древнерусской литературе, точнее — в славянских литературах, является издание Исайино перевода. Существующее сейчас издание его в составе Великих Минеи Четиих митрополита Макария⁴ выполнено по поздним для этого перевода спискам (XVI в.) и в высшей степени трудно для восприятия, — потому в первую очередь, что комментарии Максима Исповедника напечатаны так, как и написаны в положенных в основу издания рукописях, вперемежку с текстом Дионисия, разрывая его зачастую посреди фразы.

² Л е о н и д, архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 2. М., 1887, с. 33.

³ В. А. М о ш и н. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга в Государственной Публичной библиотеке. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 414.

⁴ ВМЧ, октябрь 1—3, стлб. 266—787.

Печатать надо в два столбца, применяя для толкований Максима Исповедника более узкую колонку и более мелкий шрифт, как это сделано в рукописи ГПБ, Гильф., № 46. В «подвале», в примечаниях, следует, когда это необходимо для понимания, приводить выражение греческого оригинала и давать его перевод на современный русский язык.

4. В списке ГПБ, Гильф., № 46, на полях встречаются, как правило, небольшие и мелко написанные той же, что и вся книга, рукой заметки. Сравнивая их с маргиналиями Киприанова списка, убеждаемся в их тождестве. Значит, они не принадлежат Киприану, а восходят либо к переводчику Исае, либо еще дальше — к грекам. Несколько примеров таких заметок: «Събрание (имеется в виду συλλογισμός — «силлогизм», — Г. П.) разумей zde еже от любопремудрець глаголемо» (МДА, № 144, л. 66 об.; Гильф., № 46, л. 52); «Творит в вещи, в древе рекше, одр или стол: древо — вещь, вид — стол и одър» (МДА, № 144, л. 108 об.; Гильф., № 46, л. 89); «Храм бо покрова ради бывает, покров же храма не отлучается» (МДА, № 144, л. 145; Гильф., № 46, л. 121); «Добраа, рекше, одежда, храмове и инаа многоразличнаа добраа» (МДА, № 144, л. 168; Гильф., № 46, л. 139 об.). Заметок таких в целом очень много, некоторые из них предельно кратки («брехателно» — МДА, № 144, л. 175; Гильф., № 46, л. 144 об.), другие весьма пространны (к примеру: «Аще ли же и повинет кто о ком, глаголя: есть нечто от сущих лъжа, — тъмно и тънко будет, а негли будет. Аще бо кто то речет козлоелене быти, аще и мнитса некако бысть, поистине лъжа есть. Лъжа же, явившеся, разрушися, и с вещью, рекше козлоеленом: ни бо есть козлоелен, ни же бысть; и действием бо и чювением лъжа есть», — МДА, № 144, л. 174; Гильф., № 46, л. 143 об.). В издании все эти маргиналии (кстати сказать, в списке Гильф., № 46, их больше, чем в Киприановом, — МДА, № 144) следовало бы воспроизводить тоже на полях, т. е. не объединяя с комментарием, поскольку многие из них являются комментарием к Максиму комментарию.

Несколько листов в начале рукописи Гильф., № 46, утрачено; текст начинается сразу со второй главы сочинения «О небесном священноначалии». Потому невозможно сказать, открывался ли этот список предисловием переводчика.

5. Согласно краткому обзору собрания рукописей Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко (ХГНБ), там сейчас находится манускрипт самого переводчика Исаи — «сборник творений Дионисия Архопагита 1371 г., принадлежавший сербскому иноку Исае», — ХГНБ, № 819168.⁵ Умозаключение о принадлежности рукописи иноку Исае сделано было, однако же, только на основании присутствия в ней переводчицкого предисловия, — Н. П. Жинкин принял его за приписку, стало быть, за автограф переводчика. На деле рукопись датируется водяным знаком бумаги («голова быка», по альбому Н. П. Лихачева, № 1173, 1174—1492 г., № 3516 — 1473 г., № 3517 — 1481 г.; по альбому Брике, типа № 14802 — 1476 г.), последней четвертью XV в.

6. Исайин перевод Дионисия Архопагита с толкованиями Максима Исповедника получил на Руси большее распространение, чем можно было бы предполагать, учитывая крайнюю сложность и порой затемненность — особенно в буквальном славянском переложении — смысла этих

⁵ См.: Н. П. Жинкин. Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 577; известие Н. П. Жинкина повторяет «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР», — см.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 218.

текстов. Весьма любопытно и то, что со временем интерес к произведениям Ареопагита не уменьшался на Руси, а возрастал, и довольно резко. Собрания рукописей ГБЛ, ГИМ и БАН насчитывают 4 списка XV в.,⁶ 11 списков XVI в.,⁷ 23 (!) списка XVII в.,⁸ 6 списков XVIII в.⁹ и три списка XIX в.¹⁰

К этому следует прибавить, что в 1675 г. монахом Чудова монастыря Евфимием корпус сочинений Дионисия Ареопагита был переведен заново и подготовлен к печати, но почему-то так и не напечатан (хранится в Синодальном собрании рукописей). Сто с лишним лет спустя монахом Моисеем был сделан и издан в Москве новый перевод книг «О небесном священноначалии» и «О церковном священноначалии» (в 1787 г.). В 1825 г. в журнале «Христианское чтение» (№ XX) было издано сочинение «О таинственном богословии». В XIX в. эти сочинения неоднократно переиздавались; неизданным на русском языке остался лишь трактат «Об именах божиих», самый большой и трудный.

7. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита составляют книги «О небесной иерархии» (или — «священноначалии»), «О божественных именах» (или «Об именах божиих»), «О церковной иерархии» (в славянском переводе: «О церковническом священноначалии»), «О таинственном богословии» и 10 посланий к разным лицам.

В тексте этих существующих произведений встречаются упоминания о других, неизвестных нам, сочинениях того же автора: «О ангельских свойствах и чинах», «О душе», «О праведном и божественном оправдании», «О божественных гимнах» (в славянском переводе — «песнях»), «Об умных же и чувственных», «О богословских образах» («О богословных подызображениях»), «Об образном богословии» и «О символическом (или «знаменательном») богословии».

Книги «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» можно рассматривать как одну группу, а книги «О божественных именах» и «О таинственном богословии» — как другую; перед сочинением «О божественных именах» должно было находиться сочинение «О богословных подызображениях», а за ним, как ясно из его окончания, должно было следовать сочинение «О символическом богословии», о котором мы знаем также из Послания к Титу-иерарху (§ 1).

8. Те сочинения с именем Дионисия Ареопагита, что дошли до нас, стали известны в 532 г. в Константинополе на частном соборе: на них как на сочинения в высшей степени авторитетного автора сделали ссылку североане (умеренные монофизиты). Председательствовавший на этом соборе эфесский епископ Ипатий усомнился в их подлинности. С тех пор и по наши дни сомнение — сомнение в том, что они действительно написаны упомянутым в Деяниях апостолов (XVII, 34) Дионисием Ареопагитом, — неотвязный спутник этих произведений.

Основания для сомнений практически не меняются. Состоят они, коротко говоря, в следующем. Во-первых, сочинений Дионисия Ареопагита не знали писатели первых пяти веков, в том числе Евсевий и Иеро-

⁶ ГИМ, Воскр., № 75, 76; Увар., № 264 (162); ГБЛ, ф. 256, № 93 (1491 г.).

⁷ ГИМ, Барс., № 211; Муз., № 3457, 3465; Увар., № 263 (163, 47), 520 (165); Чуд., № 203; ГБЛ, ф. 304, № 123; ф. 310, № 178; БАН, Устюжск., № 7, 9; 31.6.24.

⁸ ГИМ, Един., № 4 (1637 г.); Увар., № 368 (164, 49), 50 (166); Барс., № 212, 213; Синод., № 54, 55; Усп., № 10, 11; Чуд., № 204; Хлуд., № 51; ГБЛ, Опт., № 478; Муз., № 479, 480, 4437, 9190, 1345, 9069, 4842; БАН, Арханг., № 435; Устюжск., № 8; Арх.-С., № 126.

⁹ ГИМ, Сим., № 5; Епарх., № 236; ГБЛ, ф. 178, № 1345; Шибан., № 7; БАН, 45.13.14; Арханг., № 436.

¹⁰ ГИМ, Сим., № 6 (1828—1829 гг.), № 1 (1831 г.); ГБЛ, Опт., № 479.

ним, которые, как считают, имели случай их упомянуть и упомянули бы, если бы были с ними знакомы. Во-вторых, трудно отождествить некоторых из упоминаемых Дионисием Ареопагитом (так я буду продолжать называть этого автора) лиц: он часто говорит как о в высшей степени уважаемом им и широкоизвестном учителе о некоем Иерофее и иногда цитирует его; упоминает он также неких Иуста и Варфоломея; ниоткуда больше эти лица неизвестны. Тимофея, ученика и спутника ап. Павла, автор называет ταις — «чадо», Тимофей, между тем, стал христианином прежде Дионисия Ареопагита и ко времени написания книг, в которых он упоминается, должен был находиться в зрелых, если не в преклонных годах. В-третьих, Дионисий Ареопагит знает Апокалипсис и Евангелие от Иоанна, написанные, когда он, т. е. реальный Дионисий Ареопагит, должен был быть глубоким стариком (точно время его смерти неизвестно: около 95 г., при императоре Домициане, или около 120 г., при императоре Адриане); обнаруживается у него также цитата из Послания Игнатия Богоносца к римлянам («любовь моя распялась»), написанного не раньше 107—115 гг. В-четвертых, в книге «О церковной иерархии» автор рассказывает о древних учителях и древних преданиях, между тем как если он действительно Дионисий Ареопагит, то он — современник первых христиан. В-пятых, в том, что автор говорит об устройстве храмов, о богослужении, обрядах, церковнослужителях и монахах (он часто называет их, как Филон Александрийский, «терапевтами»), усматривают немало черт более позднего времени. В-шестых, столь же анахронической, возможной только в значительно более позднее время, чем I—начало II в., кажется полнота и разработанность богословско-философской системы Ареопагита; считают, что «таких сочинений, каковы ареопагитские, в первом и начале второго века писать было еще не для кого».¹¹ В-седьмых, очень сложный, индивидуально-своеобразный, смелый и изысканный язык этих произведений плохо увязывается с литературой эпохи Дионисия Ареопагита — как христианской, так и языческой. Подозрительно использование богословских терминов, которые стали употребительными с III—IV вв. И, наконец, в сочинениях Дионисия Ареопагита усматриваются не только идейные, но и текстуальные совпадения с «Первоосновами теологии» язычника-неоплатоника V в. Прокла. Все это побудило называть интересующего нас автора П с е в д о - Д и о н и с и е м Ареопагитом и считать его писателем второй половины V в., пытавшимся совместить неоплатонизм с христианством.

Ортодоксальность автора, впрочем, вне сомнений: «Что касается до религиозной системы ареопагитских сочинений, то в ней все очевидно ложные и противные христианскому понятия устранены. Так, в ареопагитских сочинениях мир представляется непосредственным творением бога; материя не признается причиною и источником зла; признается воскресение тел, и тело не почитается источником зла и греха в человеке; правильно, хотя и кратко, раскрывается учение о св. Троице, о воплощении Сына божия и прочем. Все вообще религиозное воззрение их писателя чисто христианское и православное. Но так как писатель, по-видимому, не успел освободиться из-под влияния неоплатонической философии, то его изложение некоторых частных предметов христианского учения носит явные следы влияния оной».¹²

Но, помимо особенностей «изложения некоторых частных предметов христианского вероучения», — безразлично, живи автор ареопагитских

¹¹ И. Смирнов. Русская литература о сочинениях с именем св. Дионисия Ареопагита. — Православное обозрение, М., 1872, с. 855.

¹² Там же, с. 869.

сочинений в I—II вв. или в V в., — эти произведения — произведения переходной эпохи, они обладают таким общим качеством, которое возбуждает к ним особенный интерес именно в переходные эпохи. Известно их влияние на таких мыслителей, как Иоанн Скотт Эригена, Николай Кузанский, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола. Не случаен, конечно, резкий рост интереса к Дионисию Ареопагиту в православных странах в XIV в., в эпоху исихастских споров: и Варлаам Калабрийский, противник мистиков-исихастов, и Григорий Палама, их защитник, — оба они постоянно ссылались на «божественного Дионисия», цитировали его, искали в нем опору для своих прямо противоположных утверждений. Кризисная эпоха «византийского гуманизма», «христианского гуманизма», «предвозрождения» и одновременно «православного возрождения» окрашена сильнейшим влиянием сочинений Дионисия Ареопагита; и именно в это время возникает потребность в переводе их на славянский язык и они получают доступ к новой громадной читательской аудитории. Следующий «пик» интереса к ним — уже на Руси — приходится, как показывает приведенный мною выше обзор русских их списков, на следующую, переходную, идеологически-кризисную эпоху — XVII век.

Сочинения с именем Дионисия Ареопагита — явление особое и значительное в общеевропейской культуре, и поэтому историки древнерусской культуры не должны и впредь оставлять без внимания и обсуждения сам факт их появления и присутствия в древнерусской литературе. Это — едва ли не важнейшая, связанная с Ареопагитом, задача славистов-медиевистов.

9. Хотя сомнения в авторстве Дионисия Ареопагита возникли, как я уже сказал, одновременно с открытием приписываемых ему сочинений в VI в., возобладала и господствовала вплоть до XV в. точка зрения на них как на подлинные его сочинения. О причине этого я скажу ниже. Автор был отождествлен не только с первым афинским епископом, но и с просветителем Галлии Дионисием (Сан-Дени) Парижским. Как следствие — большой интерес к ареопагитским сочинениям в Парижском университете. Серьезное влияние оказали они, в частности, — особенно своим учением о зле как о лишенности блага, о чем-то несамостоятельном — на Фому Аквинского. С XVI в. вновь и все громче раздаются голоса сомнения в авторстве Дионисия (Георгий Трапезундский, Феодор Газа, Лоренцо Валла, Эразм Роттердамский, Лютер). Решающие усилия по исключению ареопагитских сочинений из числа произведений I—II вв. сделали в XIX в. ученые протестантских стран.

Неоднократно предпринимались попытки указать «настоящего» автора книги и писем, составляющих занимающий нас корпус. Но все они остаются на уровне предположений. Вообще сильной стороной скептиков является именно отрицательная: наиболее основательны у них поводы для сомнений. Наиболее же слабы они при попытках дать свое положительное объяснение появлению на свет этих, как они должны признать, подделок (ибо говорить о ложной атрибуции здесь нет возможности). Самой связной, цельной и впечатляющей из «положительных» картин по-прежнему остается та картина, которую создают сами эти произведения с комментариями к ним Максима Исповедника. И потому всегда, наверно, будут существовать и «отрицатели отрицателей», считающие, что они меньше ошибутся, веруя в подлинность сочинений Дионисия Ареопагита.

Именно комментарии Максима Исповедника (ум. в 662 г.) преодолели в свое время сомнения скептиков и позволили ареопагитским сочинениям стать важной составной частью европейской средневековой культуры — как византийско-славянской, так и западноевропейской, а затем и культуры Возрождения. И эта картина — представление о том, как возник корпус сочинений Дионисия Ареопагита, — тоже неотъемлемая

часть всей средневековой культуры, в том числе и русской, и имеет для историков культуры самостоятельную ценность. Что же она собой представляет?

10. Как мы знаем из Деяний апостолов (XVII, 13—33), Павел во время своего второго миссионерского путешествия, около 50 г., спасаясь от разгневанных иудеев, покинув своих спутников Силу и Тимофея, ушел из Верии в Афины. Там он решил их дождаться, чтобы вместе с ними следовать в Коринф, административный центр римской провинции Ахайя. Увидав в Афинах множество алтарей и статуй, Павел «возмущился духом» и начал проповедовать в тамошней синагоге и на площади. «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним» (XVII, 18). Заинтересовавшись его учением, они пригласили Павла в ареопаг и попросили высказаться подробнее, ибо «афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (XVII, 21). Но Павел постарался связать тему своей речи с известными им учениями: «Афиняне! . . . прохода и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: „Неведомому Богу“ (τῷ ἀγνώστῳ Θεῷ). Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (XVII, 22—23). Павел говорил далее об акте творения, о том, что все живет и существует постольку, поскольку «участвует» в боге («Им мы живем, и движемся, и существуем», — XVII, 28), о необходимости богопознания и покаяния, о воскресении мертвых и праведном суде. «Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (XVII, 32). Некоторые все же уверовали в его слова и продолжили с ним встречи — «между ними был Дионисий Ареопагит» (XVII, 34). Таковы касающиеся Дионисия Ареопагита сведения из Деяний апостолов.

Читая ареопагитские сочинения с их утверждением полной непознаваемости бога, можно вспомнить слова о «неведомом боге», которыми связал свою проповедь с афинской культурной реальностью Павел. Равным образом мысль, что все движущееся и существующее движется и существует постольку, поскольку участвует в боге, мы находим подробно развитой у Дионисия Ареопагита. И это кажется естественным именно для упомянутого в Деяниях апостолов Дионисия Ареопагита.

В комментариях и комментариях к комментариям мы находим разъяснения и того, что такое афинский ареопаг, и где он собирался, и почему так назывался, и каковы были его функции и роль в городском самоуправлении, и каково было положение Афин под властью римлян.¹³ Дионисий был членом этого верховного судилища.

Будучи обращен в христианство Павлом, Дионисий «пестунствует же ся учительски от Ерофея Великаго, яко же глаголетъ сам»,¹⁴ «по Павле научен бысть святым Иерофеем»;¹⁵ Павел был их «общий наставник и руководъ», ибо «и святой Иерофей святым Павлом научен бысть». ¹⁶ Дионисий мог общаться с Павлом и после ухода того из Афин — в течение полугодового пребывания Павла в Коринфе (см.: Деяния апостолов, XVIII, 11). Из седьмой книги «апостольских заповелений» известно, что Дионисий «от Павла христоноснаго афиняном веровавшим» был поставлен в епископы.¹⁷

Тимофей, один из спутников Павла, стал впоследствии эфесским епископом. Выходцу из провинции (см.: Деяния апостолов, XVI, 1), ему прихо-

¹³ См.: ВМЧ, октябрь 1—3, стлб. 267—269.

¹⁴ Там же, стлб. 269.

¹⁵ Там же, стлб. 434.

¹⁶ Там же, стлб. 429.

¹⁷ Там же, стлб. 269—270.

дилось туго в прениях с тамошними греческими философами: Эфес был одним из крупнейших центров греческой философской мысли, там «и ионийская философия съставися».¹⁸ И Тимофей обращался за помощью к афинянину Дионисию. «Иже в Ефесе любопремудрьци въпрашаху святаго Тимофея о неких вещех, а наипаче от внешней премудрости. Святыи же Тимофей сиа от них стражда, въпрашааше святаго Дионисиа о сих — яко художна в любопремудрьстве. И елико того въпрашааше, толико его подвизаше в еже писати к тому божественных словеса».¹⁹ Этим объясняется, почему все 4 дошедшие до нас книги Дионисия Ареопагита обращены им к «съсвященнику Тимофею»: «Пишетъ же множайшая к треблаженному Тимофею, святаго апостола Павла ученику, ефесскому епископу».²⁰ Одним из поводов написать сочинение «О божественных именах» была присылка Тимофеем Дионисию «списаний» св. Иерофея с просьбой объяснить их — «сказати и разделить яже скупореченная святым Иерофеем».²¹

Находится в комментариях объяснение и того, почему Дионисий, став христианским епископом, продолжал именоваться Ареопагитом: «Подобает ведети, яко познания (это ошибка, должно быть: «прозвания», — Г. П.), яже имяху, елини еще сущи, святыи сии и по обращении к Христу бес студа приписоваху себе. Се бо и съи „Ареопагита“ наричетъ себе. И божественный Иустин в иже „К еллином“ слове „Иустина, — приписа, — Философа“».²²

Первые 4 из 10 посланий Дионисия Ареопагита адресованы «Гаию рабу», по-гречески — «терапевту» (θεραπεύτη), т. е. монаху. Максим Исповедник полагает, что это тот самый Гаий, которому «третье послание написа божественный евангелист Иоанн».²³

В седьмом послании, «Поликарпу святителю», смирнскому епископу, Дионисий Ареопагит вспоминает, как он с философом Аполлофанием наблюдал в «Солнчиграде», египетском Гелиополе, противоестественное затмение солнца «воспятившейся», а затем вернувшейся к нормальному ходу по небу луною, бывшее в страстную пятницу. Комментируя последнее, десятое, послание Дионисия — Иоанну Богослову на о. Патмос, Максим Исповедник вспоминает и послание к Поликарпу, чтобы рассчитать хронологию последних сочинений и жизни автора: «Есть же разумевати от послания сего и от еже к святому Поликарпу, седмому сущу, быти великаго Дионисия, егда сия писаше, летом неким девять десятем. В еже бо к святому Паликарпу (послании, — Г. П.) глаголетъ, в Египте в Солнчиграде пребывая, узрети през естество бывшее оскудение солнца в спасеное распятие господне, еже бысть в 18 лето Тивериева царства. . . . затьчен же бысть святыи Иоанн в Патмо-остров, иже есть един от Кикладен, в конечное лето Доментянова царства. Царствова же съи 15 лет и месяц 5. Събирает же ся от 18 лет Тиверия, егда оскудение бысть, даже до скончания Доментяна лет 64 и негде месяц 7. Да положим же и божественаго Дионисия, егда яже в распятие господне (затмение, — Г. П.) виде, быти 25 летом, за еже мною. . . , яко быти всех всего девять десятем 6 лет».²⁴

Сочинение «О божественных именах» обнаруживает знакомство автора с Апокалипсисом Иоанна Богослова, написанным, как известно, во время ссылки на о. Патмосе. Комментатор по этому поводу замечает: «Достоитъ знаменати (т. е. достойно внимания, — Г. П.), яко приемлетъ Откровение,

¹⁸ Там же, стлб. 575.

¹⁹ Там же, стлб. 271.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стлб. 434.

²² Там же, стлб. 375.

²³ Там же, стлб. 734.

²⁴ Там же, стлб. 784.

иже в святых Иоанна Евангелиста святыи сий Дионисие, тамо бо есть рече-ние се. А яко же бе в Патме божественный евангелист, иде же откровение виде, ведяше святыи Дионисие. И сие навикнути имаши от десятого послания, его же посла к Богослову писания». ²⁵ Отсюда следует, что и свои богословские книги, по крайней мере сочинение «О божественных именах», Дионисий должен был писать «сосвященнику Тимофею» в возрасте уже около ста лет.

11. Максим Исповедник, как я уже сказал, сыграл решающую роль в признании реальности авторства Дионисия Ареопагита. Он ответил на ряд вопросов, вызывавших сомнения. Почему Дионисия не знали Евсевий и Ориген? «Ей, глаголють, но несть писал тоговех списаний Евсевий Памфилов и ни же Ориген. К ним же достоить рещи, яко много, многа оставил есть Евсевий не прешедшая в руки его. . . Ориген бо не вем, аще всех — едва же четырех (других авторов, — *Г. П.*) въспомянул есть». ²⁶

Относительно черт сходства между ареопагитскими сочинениями и произведениями неоплатоника Прокла Максим Исповедник замечает: «Должно есть ведети, яко неции от внешних любопремудрець, и паче Прокл, творенми многоащи блаженаго Дионисиа приемлють в словес писание и самеми же теми речьми», т. е. утверждает, что не автор занимающих нас произведений заимствовал у Прокла и других «внешних любопремудрець», а те у него: «Тать бо диавол и наша износить словеса к своим его пророкам. . . не ныне токмо, но и прежде Христова пришествия обычно есть сущим внешняя премудрости наша красти. Елма же неции глаголють не быти святаго (Дионисия Ареопагита, — *Г. П.*) списания, но некоего иже последи бывших, нуждьно тем и отреченных некого и безместных того полагати, налагающая такова себе, яко съжительствовати апостолом и послылати (послания, — *Г. П.*), с ними же ни же бысть когда, егда ти бяху, ни же посылаше. А еже умыслиги проречение к апостолу Иоанну, в заточении сущю, яко възвратитися имать паки в Асийску землю и обычная учити имать, — се странно чюдо славна мужа и пророчю славу неистове ловащаго. А еже и глаголати тому в самое то время спасения страсти в Солниграде, вкупе сущю с Аполофаниемъ, видети и сълюбопремудрствовати о солнечном оскудении, яко не по естеству, ни же по обычаю тогда бываемым, глаголати же тому еже с апостолы быти в изношении святых мощей святыя Мария Богородица, и словеса произносити Иерофея, своего учителя, от иже о ней надъгробных слов, умышляти же и послания и словеса яко к учеником апостольскимъ възглашенная, — коликаго безместна есть се и зарения и по прилучении человеку, а не точию мужю только възведенному и по обычаю и разуму — и еже превъзыти чювственная вся и умным совокупитися добротам и тех ради, яко мощно, — богови!». ²⁷ Т. е. фальсификатор не смог бы, считает Максим Исповедник, писать столь гениально. «Гений и злодейство — две вещи несовместные».

«Како детя (παῖς) наричетъ божественаго Тимофея великий Дионисие, достоить възыскати. Или убо, яко мню, — рассуждает Максим Исповедник, — за еже превъзшед того леты се глаголетъ и любопремудрством преимея, яко и привъпрашатися от того, яко же являютъ сиа в руках списания. Аще бо и прежде святаго и божественаго Дионисия верова святыи Тимофей, яко же Деяния святых апостол являютъ, но убо внешним наказаниемъ доволнейши бе великий Дионисие». ²⁸

²⁵ Там же, стлб. 407.

²⁶ Там же, стлб. 271.

²⁷ Там же, стлб. 273—274.

²⁸ Там же, стлб. 296.

По поводу цитаты в книге «О божественных именах» из послания Игнатия Богоносца к римлянам Максим Исповедник замечает: «И от сего неции нещують оболговати удобне настоящее списание яко не суще быти божественнаго Дионисия, понеже Игнатия глаголють последнейшаго тому быти: како же может кто последнейших въспоминати? Ложно же и се мнимое им. Святыи бо Павел, просветивый Дионисиа, последни бо бе лето святаго Петра; по нем же Игнатие епископ бываеъ антиохийскый, преложышуся Петру в Рим. Прижит же святыи Павел время много, просветивый Дионисиа, и Дионисие по немь поживе. Евангелист же Иоанн при Дометиану заточен бысть в Патмо, ему же въсписуеть Дионисие. Игнатие же прежде Дометияна мучен бысть. Сего ради — прежднейший Дионисия». ²⁹

Максим Исповедник не только защитил веру в принадлежность корпуса ареопагитских сочинений Дионисию Ареопагиту, но и авторитетно засвидетельствовал безукоризненное православие их автора. Одно из такого рода его примечаний: «Знаменай же непорочное же православие великаго православнаго Дионисия». ³⁰

Историкам древнерусской культуры и литературы нет нужды и возможности оценивать действительность аргументации Максима Исповедника в настоящее время. Для нас важно то, что она была действительна в изучаемое нами время. Как неотъемлемая часть корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, в том числе его славянского перевода, она и сама заслуживает нашего внимания.

12. Хорошо познакомиться с содержанием сочинений Дионисия Ареопагита в переводе инока Исаяи, не прибегая к их греческому оригиналу, невозможно: предварительно необходимо познакомиться с использованной в нем философской терминологией. Пока трудно сказать, в какой мере она изобретена самим Исайей в процессе перевода (я думаю, в небольшой, хотя он старается переводить каждое слово, чего мы сейчас не стали бы делать, а Дионисий не только широко пользуется философскими терминами, но часто изобретает их сам). Это должно показать изучение других переводов того же и предшествующего времени.

Приведу примеры переложения философских терминов.

- ἡ ὕλη, материя — «вещь» (см., например, стлб. 503).
- τὰ παραδείγματα, прообразы — «приказния» (см., например, стлб. 552).
- ἡ ἀναλογία, аналогия, пропорция — «мера» (стлб. 553).
- παντελής, абсолютный, законченный, неограниченный — «отнудный» (стлб. 596).
- παντελής, совершенно — «свесма» (стлб. 562).
- ἀπολύτως, безотносительно, абсолютно — «отпущенне» (стлб. 586).
- ἡ ὁλότης, цельность, целостность — «конечность» (стлб. 596).
- ὁ ἔρωс, любовь, эрос — «рачительство» (стлб. 562).
- ὅλως, совершенно, вообще, совсем — «отнудь» (стлб. 401).
- ὁ κόσμος, порядок — «утварь» (стлб. 605).
- ἡ ἀύγή, сияние, блеск — «заря» (встречается очень часто).
- ἡ ἀνυπαρξία, небытие, отсутствие — «небытьство» (стлб. 640).
- ἡ συγχεφαλαίωσις, подведение итога — «сгглавизньство» (стлб. 651).
- τὰ θεάματα, виды — «позори» (стлб. 666).
- ἀσχημάτιστον, лишенный образа, бесформенный — «неприличный» (стлб. 699).
- κατοφατικῶс, утвердительно — «наньглаголателне» (стлб. 740).
- ἡ ἔξις, устойчивое состояние, свойство — «имство» (стлб. 279, 316, 401, 443, 493).

Этот словарик можно продолжить. Надо сказать, что когда вчитываешься в перевод инока Исаяи (в начале это очень трудно без помощи греческого оригинала), то постепенно начинаешь привыкать к употребляе-

²⁹ Там же, стлб. 464.

³⁰ Там же, стлб. 675.

мой в нем терминологии. Этому весьма способствуют встречающиеся в комментариях определения, как например: «Имство же есть качество пребыва-тельно» (стлб. 279, 316, 443, 493, ср. стлб. 401), «Отпущенна убо глаголетъ яже не по отвержении и истязании имен или знамений глаголемая, но от всех сущих и разумеваний преставием и отпущением събираемая» (стлб. 719). Многое становится ясным и по контексту. Чтение Дионисия Ареопагита, даже в славянском переводе, постепенно захватывает — захватывает остротой умозрения, ошеломляюще смелым размахом антитез, головокружительными взлетами мысли.

Особая работа должна быть посвящена месту произведений Дионисия Ареопагита в «ноосфере», умственной культуре Древней Руси, — именно изучению их содержания как некоего умозрительного целого в соотношении с содержанием других крупных явлений русской средневековой культуры, в первую очередь, конечно, — явлений литературы (включая переводную), но не только. Целесообразным представляется привлечение и явлений изобразительного искусства. В частности, фрески и иконы на тему Софии-Премудрости не могут быть анализируемы без учета содержания Девятого послания Дионисия Ареопагита к Титу-иерарху.

Без внимательного изучения ареопагитских сочинений не могут быть достаточно полно изучены и такие вопросы, как представления Древней Руси о человеке и о мире.

Таковы те проблемы и задачи изучения славянского перевода корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, какие мне представляются наиболее важными и неотложными. Я могу ошибаться в частностях. Несомненно же одно: пополнение наших историко-культурных сведений знанием славянского Дионисия Ареопагита — труд во всяком случае благодарный.³¹

³¹ Образцом по полноте исследуемых вопросов могут для славистов служить труды грузинских ученых над древнегрузинским переводом XI в. сочинений Дионисия Ареопагита. См.: С. Я. Енукашвили. Труды Петра Ивара (Псевдо-Дионисия Ареопагита). Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1963.